

Если бы не невинные глаза и тон маленького лиса, Цзян Шэнь почти решил бы, что тот делает это нарочно.

Как бы ни был невежествен этот лисёнок, разве он не понимает, что есть места, к которым нельзя прикасаться?

Разве он не мужчина?

Конечно, Ли Жуань не делал этого специально.

Он действительно мало что знал о смертных — и о том, куда можно прикасаться, а куда нельзя.

Все годы, что он жил в человеческом облике, больше половины времени он проводил в затворе, занимаясь культивацией. Остальное — либо пытался пройти испытание, либо лечил травмы после неудачной.

Когда ему было изучать смертных?

Да он и в двойном культивировании толком не разбирался.

Он лишь чувствовал, что в том месте эссенция особенно сильная, и после двух шагов аромат стал ещё насыщеннее.

Оборотням очень трудно сопротивляться такому соблазну.

Лицо Цзян Шэня несколько раз сменило выражение — он долго молчал.

Ли Жуань поднял голову и посмотрел на него. Лапки так и тянулись снова наступить туда, но в следующую секунду он взлетел в воздух.

Цзян Шэнь поднял его.

Одной рукой — ухватив подмышку — поднял прямо на уровень своих глаз.

Это, пожалуй, был самый унижительный момент в жизни Ли Жуаня: его удерживал одной рукой смертный. Но что он мог поделать — лапы-то короткие, до всего высоко, и его коротенькие ножки лишь беспомощно болтались в воздухе.

— Что ты творишь? — раздражённо пискнул он.

— Ты ещё и злишься? — Цзян Шэнь рассмеялся от возмущения, подняв его ещё выше. — Ты ещё спрашиваешь, будешь ли ты трогать?

Ли Жуань фыркнул, но не ответил.

Цзян Шэнь протянул свободную руку и слегка сжал его ушко.

Глаза Ли Жуаня мгновенно округлились.

Как смеет этот смертный?

Ли Жуань ведь не хвастался — до того, как его отбросило в исходную форму небесной молнией, все большие и малые оборотни на горе Чанмин его побаивались.

Он считал, что если бы не получил рану от небесной кары, то в расцвете сил его уровень мог бы быть не ниже, чем у А-Сюэ.

А у оборотней сила — это статус.

И до этого момента никто, ни человек, ни зверь, никогда не поднимал его вот так и уж тем более — не щипал за уши.

Никогда!

Маленький лис разозлился так, что забил лапками, как мог.

Цзян Шэнь испугался, что тот упадёт, и перехватил его обеими руками.

— Ладно, ладно, не злись. Не буду тебя дразнить, — вздохнул он. Но уже серьёзно добавил: — Но есть места, к которым нельзя прикасаться. И больше так делать нельзя. Иначе... я не дам тебе эссенцию.

Лисёнок всё ещё молчал.

Они долго смотрели друг на друга, пока ушки Ли Жуаня не опустились.

— Понял, — мрачно сказал он. — Не трогать, так не трогать.

— Какой же ты... жадный.

Цзян Шэнь: —...

Почему он ещё и обижается?

Это вообще вопрос жадности?

Впервые Его Высочество наследный принц, привыкший просчитывать каждый шаг, понятия не имел, что делать с этим маленьким лисом.

Но так или иначе, человек и лисёнок пришли к соглашению.

Хотя, когда его поставили на землю, маленький лис ещё долго с тоской смотрел в то самое место, но больше к нему не притронулся.

Несколько дней спустя.

На горе Чанмин пошёл снег.

Сильный снегопад начался прошлой ночью и продолжался до полудня следующего дня. После снегопада небо прояснилось, и весь каньон оказался укрыт серебром.

Ли Жуань тихо лежал в снегу, не моргая смотрел на ручей неподалёку.

Бурлящий поток был единственным звуком в лесу.

Вдруг маленький лис резко ударил задними лапками, подпрыгнул и стремглав помчался к ручью. Оттолкнувшись от камня посреди водного потока, он опустил передние лапы прямо в воду.

Серия движений была чуткой и плавной, и когда маленький лис легко приземлился на другом берегу ручья, его передние лапки уже крепко прижимали к земле жирного карпа.

Он самодовольно приподнял уши, сначала ударил всё ещё мечущуюся рыбу лапой, оглушив её, затем наклонил голову, подцепил добычу зубами и бросил в маленькую корзинку, приготовленную с самого утра.

Корзинка была сплетена из ротанга, и внутри уже лежало пять-шесть рыб.

Разумеется, сделал её Цзян Шэнь. Ткачом он был так себе — промежутки между прутьями то широкие, то узкие; если бы не то, что он предварительно оглушал всю добычу, ни одной рыбы там бы не удержалось.

Но по сравнению с тем временем, когда еду приходилось носить в пещеру по одной рыбёшке, эта корзинка всё же значительно облегчала жизнь.

С наступлением зимы становилось всё труднее добывать пищу.

Если бы Ли Жуань жил один — ничего страшного, он оборотень, и даже голодая несколько дней, не умрёт.

Но теперь у него на попечении смертный.

И даже если бы он сам остался голодным — Цзян Шэнь голодать не должен.

К тому же ему всё ещё нужно было получать эссенцию Цзян Шэня, чтобы восстановить силы.

За последнее время Ли Жуань отчётливо ощущал, что стал сильнее.

Хоть признаков возвращения маны пока не было, повреждённые меридианы постепенно восстанавливались, и...

Он наклонил голову, вылизал мокрые от воды лапки, затем поднял одну переднюю лапу и вытянул её вперёд.

Короткие ножки явно стали длиннее.

Как взрослый лис-оборотень Ли Жуань, конечно, не должен был выглядеть таким маленьким лисёнком. Но, видимо, из-за того, что во время небесной кары его культивация была почти полностью уничтожена, после удара молнией он вернулся в детскую форму.

И это было крайне неудобно.

Он и не думал, что эссенция смертного настолько действенна — что даже тело начнёт расти заново.

Но если так, то почему А-Сюэ говорил, что восстановить силу можно только благодаря двойной культивации со смертным?

Надо будет спросить у него в другой день.

Подумав так, Ли Жуань потащил корзинку обратно.

Снег шёл уже несколько дней, то прекращаясь, то начинаясь снова. Лес был покрыт толстой шапкой снега.

Не пройдя и половины пути, Ли Жуань вдруг остановился.

Будто почувствовав что-то, он насторожился — шерсть на всём теле встала дыбом, спина чуть выгнулась.

Через некоторое время из-за дерева вышел кто-то.

Человек.

Да — именно "человек".

Мальчик лет тринадцати-четырнадцати, черты лица ещё по-детски мягкие, где-то между ребёнком и подростком. Он был худощав, волосы — длинные и распущенные. В этот зимний холод на нём была лишь тонкая светло-жёлтая рубашка.

Он был босиком, ступал по снегу голыми ногами — из-под брюк виднелась тонкая щиколотка.

Мальчик злобно ухмыльнулся, показав два острых клыка:

— Ли Жуань, давно не виделись.

Ли Жуань никогда прежде не встречал этого юношу, но запах узнал сразу.

Его глаза медленно сузились:

— Ты пришёл драться?

В нынешнем виде Ли Жуань выглядел вовсе не внушительно — маленький пушистый комочек, который вряд ли напугал бы даже ребёнка.

Но мальчик так не думал.

Стоило Ли Жуаню сделать полшага вперёд, как тот сразу отпрянул назад — весь его напускной задор мигом улетучился.

— Да! И что? — выкрикнул он, скорее подбадривая самого себя, чем говоря Ли Жуаню. — Я уже могу обрести человеческий облик! В этот раз я точно не проиграю! Сегодня я верну свою

пещеру!!

Этот мальчик — дух хорька, прежний хозяин той самой пещеры, в которой сейчас жил Ли Жуань.

Триста лет назад Ли Жуань пришёл на гору Чанмин и полюбил духовную энергию в этом ущелье. Он поселился тут, собираясь культивировать.

Но тогда хорёк уже объявил всё ущелье своей территорией и отдавать её не хотел.

Ли Жуань просто подрался с ним, избил его и занял его пещеру.

Территориальные споры у оборотней — обычное дело, и проигравший просто ищет себе другую пещеру для практики.

Так было и с хорьком: насколько знал Ли Жуань, тот уже давно нашёл себе новую пещеру в горах.

Но хорёк был слишком самолюбив. Он решил, что если будет усердно тренироваться, то рано или поздно сможет победить Ли Жуаня и вернуть своё логово.

Поэтому за последние триста лет он регулярно приходил вызывать Ли Жуаня на бой — и каждый раз был им избит.

А теперь, когда Ли Жуань был ударен молнией и вернулся в свой детский облик, хорёк, конечно, не мог упустить такую редкую возможность.

Ли Жуань отодвинул корзину с рыбой и посмотрел на юношу перед собой.

— Давай.

Пока маленький лис ушёл искать еду, Цзян Шэнь сидел у входа в пещеру и читал книгу.

Любой другой, кто из-за ранения ноги не мог свободно передвигаться и был вынужден сидеть в маленькой пещере, давно бы заскучал.

Но Цзян Шэнь так не думал.

В обычные дни лисёнок был рядом: играл с ним, болтал, или они вместе мастерили разные полезные мелочи. Каждый день был наполненным.

Когда лисёнок уходил, он сидел у входа и читал, коротая время.

Солнце после снегопада почти не грело. Цзян Шэнь надел чёрный плащ с меховой оторочкой, ветер был холодным — он плотнее закутался и потер переносицу.

Последние несколько дней он всё чаще чувствовал усталость и сильнее мёрз.

Настроение было плохое, и интерес к чтению пропал.

Он отбросил книгу и взглянул на дальний лес.

В лесу было тихо — кроме далёкого звука ручья, ничего не слышно.

Хотя Цзян Шэнь наслаждался спокойным временем, но без лисёнка, который всегда был рядом, он чувствовал лёгкую пустоту.

Не слишком ли долго он отсутствует?

Если не вернётся скоро, стемнеет.

После короткого раздумья Цзян Шэнь взял оставленный рядом костыль, поднялся и направился в лес.

Жил он здесь меньше двух недель, но уже хорошо изучил окрестности. Каньон был довольно ровным, лишь в сторону выхода находился крутой перевал — именно поэтому Цзян Шэнь пока не мог выбраться наружу.

Он помнил, что утром лисёнок сказал: пойдёт ловить рыбу к лесному ручью.

Значит, нужно идти туда.

Пройдя немного, он ощутил слабый запах крови.

Знакомый, слишком знакомый.

Подняв взгляд, он увидел на снегу пятна крови.

Эта часть снега была сильно истоптана, и алые капли резко выделялись на белом фоне, уходя глубже в лес.

Цзян Шэнь ускорил шаг.

Снег сделал путь скользким, идти с костылём было трудно. Но наконец он увидел ярко-красный силуэт.

Лисёнок сидел спиной к нему, мех был взъерошен.

И, кажется, на хвосте была кровь.

Сердце Цзян Шэня болезненно сжалось.

Лисёнок, услышав шаги, повернул голову и вопросительно наклонил её

:

— Цзян Шэнь, ты зачем пришёл?

— Ты... — Цзян Шэнь посмотрел вперёд — и увидел второе животное.

Это был взрослый хорёк, вдвое больше маленького лиса. Его мех был ещё более взъерошен, на передней лапе зияла рана, а на загривке — лысина.

Он сидел под деревом и ел.

Кровавый след, который увидел Цзян Шэнь, тянулся к лапам хорька — тот грыз зайца, которого успел задушить.

Цзян Шэнь: — ...

Он закрыл глаза и тяжело выдохнул:

— Что здесь происходит?

Ли Жуань указал лапкой на хорька перед собой:

— Он сам вызвался драться. Проиграл — я его и избил.

Хорёк, жуя зайца, вздрогнул так, что чуть не подпрыгнул.

— Я... я просто не ел сегодня, вот и ослаб...

— Сейчас ты наелся? — Ли Жуань сузил глаза и угрожающе спросил: — Хочешь подраться ещё раз?

Хорёк тут же стушевался.

Он глянул на Ли Жуаня, затем на стоявшего рядом Цзян Шэня и пробормотал:

— Н-нет... больше не дерёмся. Вас двое... два против одного — нечестно. К тому же... раз у тебя нет маны, побеждать тебя сейчас — бессмысленно.

Есть же у смертных пословица: «Благородный муж не пользуется слабостью другого».

Цзян Шэнь:

— Благородный муж не пользуется слабостью другого...?

— Да-да-да! — хорёк затряс ушами и принял человеческий облик. На его руке была длинная глубокая рана. Прижав её ладонью, он попытался выглядеть великодушным. — Когда у тебя восстановится мана, подерёмся снова — в человеческой форме. Рано или поздно мы определим победителя.

Сказав это, он прихрамывая направился прочь.

Маленький лис окликнул его:

— Эй! Ты зайца не доел! Тебе не нужен?

Мальчишка даже не обернулся — его спина выглядела так, будто он просто убегает.

Вскоре в лесу остались только Цзян Шэнь и Ли Жуань.

Лисёнок всё ещё сидел на месте, гордо виляя хвостом:

— Ну как? Я ведь очень сильный, да? Этот хорёк уже триста лет культивируется!

Цзян Шэнь вздохнул и спросил:

— Нога всё ещё болит?

Лисёнок замер, а потом сделал вид, что не понимает:

— О чём ты? Нога в порядке.

Цзян Шэнь спокойно посмотрел на него.

Лисёнок отвёл глаза, виновато втянул хвост и свернулся в комочек.

Да, он выиграл... но хорёк успел укусить его за заднюю лапу, и поэтому лис всё время сидел, не желая показывать рану.

— Вообще-то в бою главное — вид, нужно выглядеть внушительно... — вещал лисёнок по дороге обратно, устроившись на плече Цзян Шэня.

Цзян Шэнь держал в одной руке костыль, в другой — корзину с рыбой, и с улыбкой отвечал:

— Хорошо-хорошо. Ты самый внушительный.

Хотя было очевидно, что он просто поддакивает.

Услышав в голосе оттенок снисходительности, лисёнок вскинулся, выпрямился:

— Я серьёзно! Таких маленьких оборотней по уровню развития я бы троих сразу побил! Хсс—

Он задел лапкой рану, дёрнулся от боли и едва не свалился с плеча.

Цзян Шэнь поспешно его поддержал:

— Не шевелись. Больно? Опять кровь пошла?

Конечно, было больно. Любая рана болит. Но по сравнению с небесной карой эта боль — пустяк.

Ли Жуань хотел было сказать, что всё нормально... но поднял голову и увидел беспокойство на лице мужчины — и в голове тут же родилась плохая идея.

Он уткнулся мордочкой в шею Цзян Шэня и жалобно потерся:

— Больно... очень больно...

Цзян Шэнь, который обычно даже побоялся бы держать его крепко, увидев укус — сразу расстроился:

— Придём — обработаю. Пару дней не бегай, рану береги.

— Если бы у меня была мана, такая царапина зажила бы сразу... — лисёнок погрузился ещё сильнее, голос дрогнул, как будто вот-вот заплачет. — Я бесполезный, да?..

Тут даже Цзян Шэнь понял, что что-то не так.

Он повернул голову — и действительно: лисёнок хоть и уткнулся, но краем глаза следил за его реакцией.

И ни капли влаги в глазах.

Этот маленький лис даже притворяться толком не умеет — переборщил.

Цзян Шэнь догадался, к чему тот ведёт, и нарочно сказал печально:

— И что же мне делать? Двойная культивация вернёт тебе ману?

Он ожидал, что лисёнок мгновенно ухватится за этот шанс.

Но неожиданно тот покачал головой:

— Нет.

— Я же ранен, — сказал Цзян Шэнь, — поэтому пока не хочу практиковать.

Маленький лис упрекнул его взглядом:

— Если ты ранен, нужно отдыхать. Я ведь не заставлял тебя заниматься со мной, когда ты был ранен. Как ты можешь заставлять меня?

Такой поворот он точно не ожидал.

Цзян Шэнь не знал — смеяться или плакать.

Он снова спросил:

— Тогда... чего ты хочешь?

Ли Жуань внимательно наблюдал за выражением его лица и сказал:

— Я хочу поесть немного твоей эссенции.

Цзян Шэнь:

— Хорошо. Дам тебе вечером.

— Тогда... — тихо спросил Ли Жуань, — можно... я наступлю на тебя как той ночью?

Цзян Шэнь: —...

Он знал, что снаружи маленький лис выглядит мило, но в душе у него сидит маленький демон с вредными наклонностями.

Принципы — это принципы, как можно позволить такое...

Цзян Шэнь повернул голову... и встретился взглядом с огромными, чистыми, прекрасными красными глазами.

Маленький лис:

— Оу...

Цзян Шэнь: —...

Цзян Шэнь:

— ...Наступай, наступай, наступай, наступай.

<http://bllate.org/book/14444/1277227>